

следует запомнить, — она встречается у многих других, помимо Доминичи, — если есть желание понять одну из глубоких причин — причем, несомненно, самую основательную — враждебность к монахам,

характерную для произведений XVI века. Совершенно очевидно, что, отождествляя христианскую жизнь с жизнью монашеской, понимаемой в ее самой суровой форме, некоторые средневековые теологи стали в оппозицию к святой культуре, причем в такой исторической точке, когда становилось ясно, что одно будет убито другим. Эразм и Рабле часто бывали жестоки в своей победе, но нельзя отрицать, что само существование ученых занятий, которые они любили, не было ставкой в борьбе, только что ими выигранной. Напротив, отвечая Доминичи, стареющий Салутати ни на мгновение не оставлял твердого, почтительного и печального тона, который он избрал для этих контrovers. Он помнил, что Доминичи — священник и монах, и сам не менее своего противника ненавидел заблуждения Платона, Аристотеля и ядовитого Аверроэса. «Ничто меня не влечет, — говорил он, — кроме одного Иисуса Христа, и притом Иисуса Христа, распятого ради спасения верующих»*****. Однако древние отцы Церкви спасены, и если вера в Священное Писание происходит от науки, то интерпретация Писания должна быть сильно расширена. «Я знаю, — продолжал Салутати, — что само слово «поэзия» настолько ненавистно монахам, что представляется им безбожием и даже святотатством». Но он вспоминает Песнь Моисея, Псалмы Давида и Песнь Песней. Ему приходят на память даже слова самого Христа: «Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших; ибо приходят дни, в которые скажут: «блаженны неплодные, и утробы не-родившие, и сосцы непитавшие!» Тогда начнут говорить горам: «падите на нас!» и холмам: «покройте нас!» Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?» (Лк. 23:28—31) Поэзия Господа нашего Иисуса Христа, поэзия самого Бога — вот прибежище, где стареющий Салутати укрыл свою уверенность. Ни разу не отказался он назвать Доминичи «*venerabilis mi Joannes*»*****. Ему, несомненно, не понра-

Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков 556

вилось бы, если бы мы разговаривали со своим противником иначе, — и он прав.

Петрарка умер в 1374 г.; Салутати умирает в 1406-м, но к этому времени окончательная победа изящной словесности была уже обеспечена и не счесть было ее защитников. Достаточно прочитать «Рай Альберти» («*Il paradiso degli Alberti*»), чтобы в этом убедиться. Кто бы ни был его автором, Джованни да Прато или кто-то другой, описываемое им флорентийское общество 1380—1400 гг. наполнено писателями и художниками, которые живут духом античности. Там находится и Салутати, любимый и уважаемый всеми, стилист и мыслитель, чьи трактаты «О нашем времени и религии» («*De saeculo et religione*») и «О роке и судьбе» («*De fato et fortuna*») доказывают, что этот литератор в теологической дискуссии мог превзойти кого угодно. Слепой органист Франческо дельи Органи, иначе называемый Франческо Лан-дини (*Landini*, 1325—1397), написал курьезную латинскую поэму, опубликованную Ве-селовским*, где Оккам энергично обороняется от невежд, которые нападают на него во имя Цицерона и Сенеки, как будто Сенека и Цицерон когда-нибудь мечтали проклясть диалектику — царицу всех искусств! Не только музыкант, но и теоретик музыки, Лан-дини представляет здесь культуру свободных искусств. Возле него — теолог Луиджи Мар-сили (ум. в 1394), которого Петрарка просил, кстати сказать, напрасно, написать опровержение на этого взбесившегося пса — Аверроэса. Марсили — большой любитель поговорить, способный часами проповедовать или просто разговаривать в церкви Святого Духа во Флоренции или у своих друзей, дословно цитируя Цицерона, Вергилия, Сенеку и многих других. В